

Глава 3

В наши дни большинство детей растет без братьев и сестер. Из-за одиночества в детстве у многих появляется воображаемый, «волшебный» друг — тот, кого никто другой не видит, только они сами.

Но в моем детстве все было иначе. Обычно мы собирались всей дворовой детворой из одного дома под предводительством какого-нибудь заводилы и целыми днями носились гурьбой. Тут уж некогда забивать голову невидимыми друзьями.

Все изменилось в четвертом классе, когда у меня вдруг действительно появился друг — невидимый для окружающих, явленный лишь мне одному.

Как бы это объяснить... В то время я в пух и прах рассорился со своей прежней компанией. Уж не знаю, чего они там наговорили одноклассникам, но со мной внезапно перестали водиться абсолютно все.

Поначалу, конечно, было безумно обидно. Будь на моем месте кто другой, он наверняка притащил бы в школу гору сладостей или редких игрушек, чтобы приманить и подкупить хоть парочку приятелей. Но я уродился упрямым как баран: не хотите со мной знаться — и не надо, больно-то хотелось.

Раз играть было не с кем, после уроков я оказывался предоставлен сам себе. Возвращаться домой сразу не хотелось: родители замучили бы расспросами, почему это я не бегаю на улице с ребятами.

И я принялся бесцельно слоняться по улочкам нашего уездного городка. Чуть позже я сделал великое открытие: в местной библиотеке можно совершенно бесплатно оформить читательский билет и пропадать там часами, листая журналы и книги.

Увы, даже у библиотек есть часы работы. Ровно в шесть вечера лафа заканчивалась, и приходилось топать домой.

Дома смотреть телевизор разрешалось строго по расписанию, да мне и не особо хотелось. Я закрывался в своей комнате под благовидным предлогом выполнения уроков, а сам просто часами сидел и смотрел в потолок.

Бездельничать в одиночестве поначалу смертельно скучно. А когда человеку скучно, в голову лезет всякая ерунда. Мой тогдашний кругозор, правда, великими масштабами не отличался. До космических масштабов «Звездных врат» я додуматься не мог, так что воображение выдавало лишь простенькие, наивные сюжеты в духе «Легенды о героях-кондарах».

А потом начались странности. Каждый раз перед сном я стал слышать шорохи и непонятные

звуки. Подсознательно я списывал это на крыс или мышей, но мы с ребятами еще летом переловили в округе всех грызунов до единого — взяться им в нашем доме было попросту неоткуда.

За завтраком я мимоходом упомянул об этом, но стоило нам доесть, как отец бесцеремонно схватил меня за шкуру и влепил хорошего подзатыльника.

— Паршивец, только и думаешь, как мать до смерти перепугать! Мало я тебя в детстве порол!

Впрочем, отвесить мне вторую оплеуху он не успел. Мама тут же вступилась за меня: сгребла в охапку, спрятав на своей груди, и одарила отца таким испепеляющим взглядом, что тот мгновенно притих.

Отец был из той самой типично северо-восточной мужской породы: на людях грозный и суровый, а перед женой робеет. Стоило маме нахмуриться, как вся его спесь испарилась.

Уткнувшись в теплое мамино плечо, я изо всех сил сдерживал смех, чтобы не выдать себя.

Постоянством я никогда не отличался — загорался чем-то быстро, но так же легко и остывал. Библиотека наскучила мне уже месяца через два. Нет, я не забросил ее окончательно, просто вместо ежедневных посиделок стал заглядывать туда лишь изредка.

В свободные дни я по-прежнему бродяжничал по улицам, мысленно утешая себя тем, что это отличная тренировка для ног.

С приходом осени на дорогах стали появляться бездомные собаки и кошки. Пронизывающий ветер трепал их грязную шерсть, пока они жалко лавировали между прохожими в поисках хоть какой-то еды.

В те дни мне казалось, что мы с этими несчастными зверюгами очень похожи. И они, и я в одиночестве мыкались по подворотням вместо того, чтобы сидеть в тепле. Разница была лишь в одном: у них дома не было, а я возвращаться туда сам не хотел.

Со временем я примелькался паре уличных псов и кошек. Я начал подкармливать их объедками из своего школьного обеда. Вообще-то я безумно любил животных, но у мамы была жуткая аллергия на шерсть. Из-за этого дома нам не разрешали держать даже хомяка — максимум пару рыбок в круглом аквариуме. Но какая радость от рыб? С ними ведь не поиграешь.

Лето в наших краях выдалось дождливым. И пусть сильных холодов не было, простудиться в сырости — раз плюнуть. Как-то раз, пока я возился с бездомным котенком, мои ботинки насквозь промокли. Я еще долго бродил под непрекращающейся моросью и к вечеру вернулся домой с тяжелым жаром.

Болезнь всегда делает человека уязвимым, а уж десятилетнего мальчишку — и подавно. Позабыв о всякой мужской гордости, я капризничал и умолял маму посидеть со мной, пока я не усну.

Отец из-за этого ворчал и отпускал едкие замечания, хотя в глубине души тоже переживал. Обращать на него внимание мне не хотелось — я мертвой хваткой вцепился в мамин рукав и не отпускал ее ни на шаг, заставляя отца самого хлопотать по хозяйству.

О таинственных ночных шорохах я больше не заикался. Хотя я и посмеивался над отцовской слабостью перед матерью, тревожить маму своими страхами мне не хотелось.

«Мужчина с Северо-Востока должен терпеть молча», — рассуждал я с детской серьезностью.

Шел август, а лихорадка все не отступала. В один из вечеров, лежа в полузабытьи, я сквозь щель в приоткрытой двери увидел, как отец собрал пачку желтой ритуальной бумаги, свечи и направился к выходу.

Это показалось мне странным. Я прекрасно знал, зачем жгут желтую бумагу — отправляют деньги усопшим в загробный мир. Отец всегда ездил в деревню совершать этот обряд на годовщину смерти дедушки. Но ведь поминальные дни прошли всего пару месяцев назад. К чему опять жечь бумагу?

На секунду промелькнула мысль, что поминают кого-то другого, но кого именно — я придумать не мог. Впрочем, мне было не до загадок. Изнуряющий жар мучил меня уже больше месяца, и сил не оставалось ни на что.

Вскоре я провалился в сон. И во сне мне почудилось, будто я каким-то образом выбрался из дома и бреду по улице. Налетевший резкий порыв ветра закружил над землей ворох бумажных обрывков, которые издавна до боли напоминали диковинные банкноты.

«Надо же, улицы усыпаны деньгами, — лениво подумал я. — Какое пошлое сновидение».

Едва эта мысль оформилась в голове, как я заметил прохожих. Люди вокруг выглядели донельзя странно. Одни торопливо сгребали шуршащие купюры и рассовывали их по карманам, другие же — бесстыдно грабили тех, кому удалось набрать побольше.

«Вот дурачье, — недоумевал я. — На земле денег завались, бери не хочу, а они друг у друга отнимают. Чистой воды разбой! И где только полицию носит? Таких мерзавцев пороть надо!»

— Эй! Ты как здесь очутился? Я тебя уже обыскала!

Слева от меня раздался звонкий девичий голос. Обернувшись, я увидел молодую девушку лет двадцати с небольшим. Одета она была как-то старомодно, но лицо у нее было на редкость

красивым. Пожалуй, краше нее во всем нашем уезде никого нельзя было сыскать — ну, разве что мою маму.

«Симпатичная какая, — скользнула мысль. — С мамой, конечно, не сравнится, но во всем городе краше точно нет».

Вот только я ее знать не знал. Зачем она меня ищет? Может, мама заметила мое исчезновение и попросила знакомую вернуть меня домой?

— Сестра, я тебя не знаю, — настороженно буркнул я, пятясь назад. — Ты кто?

— Меня зовут Ху Линлин, — мягко ответила она, протягивая руку. — Ну же, глупый, пойдем домой. Здесь слишком сыро, иньская энергия так и льется, тебе вредно тут находиться при твоей-то болезни.

Что такое «иньская энергия», я тогда понятия не имел, но нутром чуял — эта девушка не причинит мне зла.

Я с малых лет рос на редкость чутким ребенком: сразу определял, у кого какие намерения, кто говорит искренне, а кто беззастенчиво врет. За последний год этот странный дар развился еще сильнее. Мама быстро нашла ему практическое применение — когда мы шли на рынок за мясом, она всегда брала меня с собой, чтобы я определял, свежий ли товар лежит на прилавке или торговец пытается подсунуть залежалый кусок.

— Ладно, — согласился я и послушно побрел за Ху Линлин.

Лишь отойдя на приличное расстояние, я сообразил, что очутился возле уездной больницы. Пешком отсюда до нашего дома было не меньше получаса ходьбы.

«Как меня занесло в такую даль? — недоумевал я. — Чертовщина какая-то».

— Запомни на будущее: по ночам на улицу ни ногой, — наставляла Ху Линлин, с тревогой озираясь по сторонам, точно ожидала нападения из-за угла. — Особенно в дни, когда открыты Врата призраков. Понял меня?

Ее бдительность казалась мне вполне обоснованной — в конце концов, за время своей короткой прогулки я уже успел стать свидетелем двух уличных ограблений.

«Но что сделает хрупкая девчонка, если на нас налетят хулиганы?»

Едва я об этом подумал, как прямо перед нами из пустоты соткался человек. На вид ему было лет под пятьдесят. Одет он был в сияющие золотые латы и серебряный шлем — вылитый актер

из традиционной оперы, только в руках держал настоящее боевое копье. Вид у него был грозный, величественный, но страха он почему-то не внушал. От него веяло спокойной силой и, судя по всему, вредить нам он не собирался.

— Приветствую вас, почтенный старший, — Ху Линлин почтительно склонила голову и сложила ладони в приветственном жесте. — Я, Ху Линлин, происхожу из пещеры Бовэйдун, что на горе Течашань. Мой предок — Шестой господин Ху с той же священной вершины. Осмелюсь спросить, благородный Цинфэн, в каком краю вы совершенствуете свой дух?

«Гора Течашань — это еще ладно, но что за пещера Бовэйдун? — опешил я. — Неужели Ху Линлин — ученица какого-то скрытого мастера боевых искусств? Вдруг она разглядела во мне скрытый талант и теперь заберет в горы обучаться кунг-фу?»

«Перспектива, конечно, заманчивая, но как же родители? Вдруг они с ума сойдут от беспокойства, если я бесследно исчезну?»

«Отец-то, небось, только обрадуется, что я под ногами не путаюсь и не мешаю ему ворковать с матерью. Но маме точно будет больно».

— Какая самонадеянная девчонка, — глухо отозвался грозный воин, буравя ее тяжелым взглядом. — Куда ты ведешь этого ребенка?

— Этот юный отрок — благодетель дома моих близких друзей, — твердо ответила Ху Линлин. — Он случайно заблудился в ночи, и я обязана вернуть его семье.

Я почувствовал, как ее ладонь сжалась еще крепче. Ху Линлин явно была на грани паники. Ее тревога передалась и мне, хотя сам незнакомец в латах вызывал у меня странное, необъяснимое чувство доверия. Нечто подобное я ощущал только рядом с самыми близкими родственниками.

— Вот как? — воин слегка смягчился. — Что ж, в таком случае нам по пути. Я провожу вас.

«По пути? Этот дядька в доспехах живет в нашем квартале? Что-то я не припомню среди соседей фанатов пекинской оперы».

Под защитой таких необычных спутников мы двинулись дальше. Больше ни один грабитель не посмел преградить нам дорогу. По пути нам несколько раз попадались люди в строгой черной форме — завидев нашего грозного стража, они почтительно кланялись ему в пояс.

«Должно быть, они все служат в одном театре, — рассудил я. — И этот дядька у них явно за главного».

Фантазия у меня всегда была ключом, да и трусом я никогда не был — рос безрассудным

сорвиголовой.

Когда мы наконец подошли к моему дому, все окна были темны — родители давно спали. К моему удивлению, входная дверь оказалась незапертой: стоило слегка толкнуть ее, как она бесшумно подалась внутрь.

«Ну и отец у меня, — обиженно подумал я, проскальзывая в коридор. — Знал ведь, что я ушел, и даже дверь не запер, лег спать как ни в чем не бывало. Если бы не эти добрые люди, я бы пропал».

Я тихонько прокрался в свою детскую и замер на пороге. Посреди комнаты взволнованно расхаживал из угла в угол невысокий паренек. Завидев меня, он просиял от радости, но едва его взгляд упал на шествовавшего следом воина в золотых латах, как он испуганно отпрянул и принял оборонительную позу.

— Сяобао, успокойся. Этот уважаемый Чистый ветер встретился нам по дороге, — примирительно прошептала Ху Линлин, мягко подталкивая меня к кровати.

— Вот оно что... — Сяобао немного расслабился, а затем с укором уставился на меня. — Дачуань, ну зачем ты сбежал? Я тут места себе не находил! Твоя простуда только-только пошла на спад, а теперь после ночных походов ты точно еще на месяц слежешь с лихорадкой.

«Еще целый месяц?! — от этой мысли у меня внутри все оборвалось. — Я и так еле вытерпел эти недели взаперти, а теперь опять лежать пластом? Прощай, свобода!»

— Не вешай нос, — видя мое отчаяние, Сяобао мягко улыбнулся. — Обещаю, я буду приходить к тебе каждый вечер. Мы будем болтать обо всем на свете, так что скучать тебе точно не придется.

От него исходило такое искреннее дружелюбие, что я не раздумывая согласился. Сама мысль о том, что у меня появится постоянный собеседник, приводила меня в восторг.

— Скоро рассвет, — подал голос воин в доспехах, убедившись, что я в безопасности. Он повернулся к девушке: — Веди меня к своему деду, дитя.

В ту же секунду дружелюбная атмосфера в комнате бесследно испарилась, сменившись гнетущим напряжением. Возникло ощущение, будто мирный гость внезапно сбросил маску и превратился в опасного чужака, явившегося бросить вызов хозяевам дома.

Ху Линлин увела воина. Я так и не узнал его имени, но та ночь навсегда изменила мою жизнь. Именно тогда у меня появился мой верный невидимый друг — Сяобао.

Каждый вечер он приносил с собой удивительные истории о божествах, злых духах и бесстрашных героях, карающих порок и защищающих невинных. По манере повествования его рассказы напоминали сказки моей покойной бабушки, но для десятилетнего меня они были лучшим развлечением на свете.

Разумеется, я хранил наш секрет в тайне. Сяобао никогда не просил меня молчать, но я интуитивно чувствовал: о таких вещах взрослым лучше не знать.

Ах да, совсем забыл сказать. Моего друга звали Хуэй Сяобао.

<http://bllate.org/book/20253/2106241>